

всю мою жизнь. Полно, не наоборотъ ли? Когда человѣкъ стремится къ какой нибудь высокой цѣли и не подозрѣваетъ о томъ, что она неосуществима, а напротивъ вѣрить въ ея осуществимость, то, какія бы неудачи ни испытывалъ онъ въ своихъ стремленіяхъ къ этой цѣли: онъ все-таки можетъ наслаждаться своею дѣятельностью, направленною къ осуществленію этой цѣли, его утѣшаетъ и ободряетъ сознаніе ея высокой цѣнности и иллюзія ея осуществимости. Но какъ только онъ пойметъ ея неосуществимость, то сознаніе того, что вся его дѣятельность была и всегда будетъ направлена только къ неосуществимой цѣли, должно его нестерпимо мучить; такое сознаніе неизбѣжно вызоветъ въ немъ разочарованіе въ жизни. Развѣ можно найти человѣка, который, понимая всю бесплодность попытокъ поймать свою собственную тѣнь, все-таки находилъ бы величайшее наслажденіе въ сознаніи, что онъ по мѣрѣ силъ посвящаетъ свою жизнь подобнымъ попыткамъ, въ сознаніи, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее для поимки своей тѣни?..

Но если такое наслажденіе сознаніемъ, что я по мѣрѣ силъ дѣлаю бесплодныя попытки, и возможно, то во всякомъ случаѣ у насъ идетъ рѣчь не о томъ, что способно *наполнить наслажденіемъ* нашу жизнь, а о томъ, что способно ее *осмыслить*. И вотъ посмотримъ, насколько пригодна съ этой точки зрѣнія указываемая разсматриваемымъ авторомъ цѣль жизни. Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ: если все-